

Казанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(ГБУ ВПО Казанский ГМУ Минздрава России)
Кафедра истории, философии, социологии и политологии

На правах рукописи

Нагуманова Светлана Фарвазовна

**СОЗНАНИЕ КАК ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
(онтологические и методологические проблемы редуктивного
объяснения сознания)**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Казань - 2013

Работа выполнена на кафедре истории, философии, социологии и политологии Казанского государственного медицинского университета

Научный консультант

доктор философских наук, профессор
Дубровский Давид Израилевич

Официальные оппоненты:

Порус Владимир Натанович

доктор философских наук, профессор, Высшая школа экономики,
заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания

Никифоров Александр Леонидович

доктор философских наук, профессор, Институт философии АН РФ
Главный научный сотрудник

Никитина Елена Александровна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии,
социологии и политологии Московского государственного технического
университета радиотехники, электроники и автоматики

Ведущая организация:

Уральский Федеральный
Университет имени первого
президента России Б.Н.Ельцина

Защита состоится 24 декабря 2013 года в 13 часов на заседании
диссертационного совета Д 002. 015.03 Института философии РАН по
адресу: Москва, ул. Волхонка, д.14/ 1, стр.5, зал заседаний Ученого совета
(к.524).

Текст автореферата диссертации вывешен на сайте ВАК.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института
философии РАН.

Автореферат разослан

2013 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Е.О.Труфанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Проблема сознания занимает в философии центральное место, так как от ее решения зависят исходные онтологические и гносеологические установки при исследовании любой философской проблемы, в частности касающейся понимания природы человека.

В условиях развития информационного общества и непрерывного углубления глобальных проблем нашей цивилизации актуальность проблемы сознания резко возрастает. Предупреждение экологической катастрофы и развитие новых технологий, противостояние преступности и экстремизму, развитие социальных сетей, поиски новых парадигм в образовании и медицине, объяснение поведения субъекта в экономической и политической теориях, социологии и праве - все это требует более точной модели человеческой психики, включающей в себя описание реальных механизмов мотивации, принятия решения и оценки ситуации, в том числе, глубокого понимания природы человеческого сознания.

Эта многомерная проблема в нынешних условиях является предметом первостепенного интереса не только для философии, психологии, гуманитарных дисциплин, но и для представителей естественнонаучного и технического знания и когнитивной науки. Накоплен колоссальный объем конкретно-научных знаний о сознании, который необходимо теоретически осмыслить. Это делает философский анализ проблемы сознания особенно актуальным. Сегодня наблюдается чрезвычайное многообразие представлений о природе сознания, часто несовместимые друг с другом. Эмпирические исследования сознания опираются на разные философские и теоретические принципы, что препятствует созданию единой картины. Для дальнейшего развития научных эмпирических и теоретических исследований сознания важно определить, какой из конкурирующих сегодня подходов является наиболее последовательным, наиболее правдоподобным и эмпирически плодотворным.

Объектом исследования является феномен сознания как субъективная реальность.

Предметом исследования является связь сознания как субъективной реальности и физических процессов в мозге. В данной работе исследуется так называемое первичное сознание, которое является базовым, и в отличие от рефлексивного сознания, присуще не только людям, но и животным¹. В данной работе термины «физический» и «материальный» используются как взаимозаменяемые, поскольку в головном мозге химические и биологические процессы, функциональные отношения являются в своей основе физическими процессами.

¹ См. Кэмбриджскую декларацию по сознанию международной группы ученых, принятую 7 июля 2012 г. URL: <http://fcmconference.org/img/CambridgeDeclarationOnConsciousness.pdf>

Цель исследования - рассмотреть возможности редуктивного метода решения проблемы сознания и обосновать репрезентационалистский подход к объяснению сознания, предложив способы решения его исходных концептуальных вопросов.

В соответствии с целью исследование предполагает решение ряда **задач**:

1) исследовать теоретико-методологические истоки современных редуктивных материалистических подходов в философии сознания XX в.;

2) показать возможность устранения тех логических препятствий на пути редуктивного объяснения сознания, которые возводятся его противниками в виде так называемых антиматериалистических аргументов («аргумента знания», «аргумента мыслимости» и «аргумента разрыва» в объяснении сознания);

3) проанализировать существующие материалистические подходы к решению проблемы сознания и выявить наиболее адекватный подход из них;

4) исследовать современный репрезентационализм как широко применяемый в аналитической философии подход к объяснению сознания, рассмотреть его разновидности, основные аргументы «за» и «против»;

5) критически проанализировать решения ключевых вопросов в существующих репрезентационалистских теориях сознания и предложить свое решение этих вопросов.

Теоретико-методологические основания исследования

Данное исследование посвящено анализу теоретико-методологических оснований объяснения сознания. В качестве главных средств исследования используются методы, традиционно применяемые в философии:

- концептуальный анализ понятий,
- выдвижение тезиса и его обоснование, в качестве средств обоснования принимаются как концептуальные соображения, так и эмпирические свидетельства,
- изучение следствий, вытекающих из выдвигаемых тезисов,
- реконструкция аргументации с целью ее критического анализа и оценки выводимого заключения,
- соотнесение положений критикуемых теорий с результатами эмпирических исследований.

Состояние изученности проблемы

Данное исследование выполнено в контексте критического рассмотрения современных дискуссий о природе сознания в аналитической философии. В XX в. классическая философская психофизическая проблема (проблема души и тела), казалось, была уже в основном решена в пользу материализма. Однако в последней трети XX в. в аналитической философии развернулась острая дискуссия вокруг проблемы сознания, которая продолжается до сих пор. Были выдвинуты аргументы, которые доказывают,

что сознание имеет нефизическую природу и что материализм ложен. Эта дискуссия породила многие тысячи публикаций.

Сознание – уникальный феномен природы, который трудно теоретически корректно вписать в физическую картину мира. Дэвид Чалмерс, один из самых известных антифизикалистов, формулирует следующую дилемму: чтобы определить место, которое занимает сознание в природе, необходимо либо пересмотреть наше понятие сознания, либо пересмотреть наше понятие природы. Чалмерс видит решение проблемы сознания в ревизии нашего понятия о природе, он предлагает расширить существующую онтологию, отказавшись от материализма и признав существование феноменальных свойств на фундаментальном уровне физической реальности². По мнению Д. Чалмерса, этот подход остается в рамках натурализма, поскольку исходит из того, что сознание является природным явлением, подчиняется природным законам и должно быть объяснено современной наукой. В противовес Чалмерсу и тем философам, кому близка его позиция, данная работ исходит из того, что нет необходимости расширять онтологию и отказываться от материализма, но есть необходимость пересмотреть наше понятие сознания и наше понятие редуктивного объяснения.

В 1974 г. в своей знаменитой статье «Каково быть летучей мышью?» Томас Нейгел писал: «...в настоящее время мы не представляем себе, каким могло бы быть объяснение физической природы психических явлений. Без сознания проблема души и тела была бы гораздо менее интересной. С сознанием эта проблема кажется безнадежной. Самая важная и характерная черта сознательных психических феноменов очень плохо понята. Большинство редукционистов даже не пытаются ее объяснить. Детальное рассмотрение покажет, что ни одно из имеющихся на сегодня понятий редукции здесь не подходит. Может быть, для этой цели можно разработать новую теоретическую форму, но это решение, если оно существует, лежит в далеком будущем интеллекта»³.

За 40 лет, которые прошли с момента публикации этой статьи, ситуация изменилась – предложено немало философских, когнитивных и нейробиологических теорий сознания, которые опираются на результаты эмпирических исследований в когнитивной психологии и нейрофизиологии. Объединение методов когнитивной психологии и нейрофизиологии и формирование когнитивной нейронауки в 70-е годы XX в. привело к существенному сдвигу в исследовании сознания и психики – когнитивные

² Chalmers D.J. 2002. Consciousness and its place in nature / D.J. Chalmers (ed.) Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings. – Oxford: Oxford University Press. – P. 247, 265.

³ Nagel T. 1974. What is it like to be a bat? / T. Nagel // *The Philosophical Review* LXXXIII, 4, 435-50. Reprinted in Rosenthal D. (ed.) *The Nature of Mind*. Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 422.

модели психики стали увязываться с данными о переработке информации в мозге. Исследования сознания в философии, когнитивной психологии и когнитивной нейронауке происходят не обособленно, наблюдается их взаимное влияние друг на друга. В философии сознания стало нормой ссылаться на результаты эмпирических исследований в качестве аргументов для доказательства выдвигаемых теоретических положений. Представители когнитивной науки, в свою очередь, поддерживают или критикуют те или иные философские теории сознания. Вместе с тем, существующее многообразие теорий, отсутствие общепринятой теории говорит о том, что проблема сознания еще далека от решения.

Для доказательства ложности редуктивного материализма были сформулированы антиматериалистические аргументы – аргумент знания, аргумент мыслимости и аргумент разрыва в объяснении. Антиматериалистические аргументы формулируют и обосновывают Т. Нейгел, Ф. Джексон, Д. Левин, Х. Робинсон, Д. Чалмерс и многие другие авторы. Ответы со стороны материалистов на эти аргументы дают Д. Деннет, Н.Блок, К. Хилл, Б. МакЛофлин, Р. Стэлнейкер, М. Тай, П. Чёрчленд и П. С. Чёрчленд, Б. Лоар и многие другие.

Д. Чалмерс систематизировал все разнообразные материалистические подходы, выделив три их типа - материализм типа *A*, *B* и *C* – по тому, как они отвечают на эти антиматериалистические аргументы. Материализм типа *A*, согласно Чалмерсу, отрицает феноменальное сознание и сводит сознание к определенным когнитивным функциям. Материализм типа *B* не отрицает феноменальное сознание, но считает, что его можно отождествить с его физическими или функциональными эмпирически установленными коррелятами. Материализм типа *C* считает, что нам не хватает знаний для того, чтобы логически связать сознание с физическими процессами, но эта проблема может быть решена в будущем

К материалистам типа *A* Чалмерс отнес Д. Армстронга, Д. Деннета, Ф. Дретске, Г. Хармана, Д. Льюиса, Д. Рэя. К материалистам типа *B* он отнес Н. Блока, Р. Стэлнейкера, Д. Левина, К. Хилла, Б. Лоара, Д. Папину, Д. Пэрри, М. Тая, Б. МакЛофлина, К. Бэлог. К материалистам типа *C* - Т. Нейгела, П. Чёрчленд, К. МакГинна, Д. Столяра.

На русском языке аналитическая философия сознания подвергается критическому рассмотрению в работах Д. И. Дубровского, В.А. Лекторского, Н.С. Юлиной, В.В.Васильева, Д.В. Иванова, А.А. Веретенникова, А.Ю. Алексеева, Н. М. Гарнцевой, Н.А.Блохиной и других. Результаты этих работ использовались в диссертации как в плане анализа и оценки рассматриваемых концепций современной философии сознания, так и при обосновании собственной позиции автора.

Один из возможных подходов к решению проблемы сознания состоит в том, чтобы найти промежуточное звено, которое свяжет феноменальное сознание и физические процессы и тем самым устранил разрыв в объяснении

сознания. Таким связующим звеном могла бы служить репрезентация. Репрезентационалистский подход к объяснению сознания развивают А.Бёрн, Ф.Дретске, У.Лайкан, Д.Розенталь, М.Тай, П.Кэрратерс, Д.Чалмерс, С. Шумейкер, Ю. Кригель и др. Репрезентационализм критикуют К. Пикок, Н. Блок, П. Богосян, Д. Веллеман, Ф. Макферсон, Д. Столяр и др. Наиболее влиятельными репрезентационалистскими теориями в последнее время являются теории сознания как репрезентации более высокого порядка (Д. Розенталь, Д. Вайсберг, Р. Браун и др.) и теории сознания как репрезентации первого порядка (Ф.Дретске, М.Тай и др). При анализе ключевых проблем, на которые должна дать ответ репрезентационалистская теория сознания, мы опирались на рассмотрение двух конкурирующих между собой теорий – теорию мысли более высокого порядка Д. Розенталя и биологическую теорию Н. Блока.

В отечественной философии уже наметилось разнообразие подходов к пониманию сознания. Еще с конца 60-х годов Д.И.Дубровский развивает материалистический подход в своей информационной теории. В последние годы В.В.Васильев предлагает концепцию локального интеракционизма. В отечественной философии явно наблюдается рост интереса к аналитической философии, в частности к аналитической философии сознания.

Научная новизна данного исследования состоит в следующем. В нем

1) доказывается, что хотя из аргумента знания, аргумента мыслимости и аргумента разрыва не вытекает ложность материализма, тем не менее, эти аргументы делают необходимой замену до-теоретического понятия сознания теоретическим понятием-преемником (в данном исследовании в качестве такого преемника предлагается понятие феноменальной репрезентации);

2) предлагается уточнение в классификации современных материалистических подходов к решению проблемы сознания;

3) обосновано, что из двух главных на сегодняшний день материалистических стратегий редукции сознания – психофизического тождества и функционализма – наиболее обоснованной, отвечающей результатам и перспективам научных исследований, является вторая;

4) показано, что модель функциональной редукции в форме репрезентационализма является наиболее адекватной моделью редуктивного объяснения сознания, и что репрезентационализм способен ответить на выдвинутые против него возражения;

5) формулируются исходные предпосылки теории сознания как феноменальной репрезентации.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Антифизикалистские аргументы - аргумент знания, аргумент мыслимости и аргумент разрыва - не доказывают ложность материализма.

2. Вместе с тем, антифизикалистские аргументы убедительно демонстрируют, что наше обыденное понятие сознания логически не

вытекает из физического описания. Эффективным ответом на эти аргументы является замена нашего обыденного понятия сознания теоретическим. В качестве такой замены необходимо использовать адекватное функциональное описание сознания в терминах репрезентации.

3. Эмпирические психофизические тождества безусловно играют важную эвристическую роль в практике научного исследования, однако закрыть разрыв в объяснении сознания можно лишь на основе принципа логической необходимости. (Экспланандум должен логически вытекать из эксплананса.) Функциональное описание сознания позволяет осуществить такой логический вывод. Поэтому функциональная модель объяснения является наилучшей моделью редуктивного типа.

4. Неверно отождествлять аналитический функционализм и элиминативизм. Целесообразно в рамках материализма типа А различать тип *A1* и тип *A2*, к материализму типа *A1* следует отнести позиции тех представителей аналитического функционализма, которые действительно являются элиминативистами, т.е. отрицают субъективную реальность. Тогда к типу *A2* можно будет отнести все попытки понять феноменально-субъективное сознание в функциональных терминах. Его предложено назвать *реалистским аналитическим функционализмом*.

5. Сознание является феноменальной репрезентацией. Каждому феноменальному различию соответствует различие в содержании репрезентации. Не существует такого феноменального свойства, которое не было бы репрезентацией. Любое феноменальное свойство вписано в целостную феноменальную репрезентацию реальности, составляет ее часть.

6. Первичное феноменальное сознание – это реальность-для-меня, это бытийный уровень сознания. Все наши представления о мире являются объективациями этой исходной феноменологической реальности в процессе рефлексии. В отличие от рефлексивного уровня на этом бытийном уровне сознания нет различия между видимостью и реальностью. Это различие и возможность иллюзии или ошибки появляются в процессе объективации содержания первичного сознания с помощью рефлексии. Первичное сознание является репрезентацией первого порядка. Феноменальный характер первичного сознания является результатом интеграции на более высоком уровне информации, с одной стороны, о внешнем мире, с другой – о внутреннем состоянии организма.

7. Не существует такого феноменального сознания, которое бы не было когнитивно доступным, поскольку когнитивный доступ является механизмом феноменального сознания. Те эмпирические данные, которые трактуются в пользу существования недоступного феноменального сознания можно объяснить, допустив существование двух форм когнитивного доступа: первый вид обеспечивает формирование феноменальной репрезентации ситуации в целом, а второй – обеспечивает феноменальную репрезентацию деталей этой целостной картины.

8. Субъективные качества сознания, или квалиа, являются средствами феноменальной репрезентации. Мы фиксируем сходства и различия между объектами внешней реальности и внутренними состояниями с помощью сходств и различий между квалиа. С их помощью создается внутренняя реальность, которая находится в отношении структурного сходства с объективной реальностью. Сами квалиа определяются через пространство квалиа, которое является результатом развития мозга в процессе эволюции.

Научно-практическая значимость

Значение диссертации состоит в обосновании репрезентационалистского подхода к исследованию сознания на фоне многообразных других подходов, а также на фоне критики ряда версий репрезентационализма. Теоретические положения, выдвигаемые в диссертации, могут быть использованы в методологических целях при организации эмпирических исследований сознания.

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении курса «Философия» по темам «Сознание», «Теория познания», «Философия науки».

Апробация работы

Диссертация обсуждена на заседании сектора теории познания Института философии и рекомендована к защите. Концепция работы и основные выводы отражены в монографии, девяти статьях в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата философских наук, а также в других публикациях общим объемом 23 п.л.

Идеи исследования формировались, разрабатывались и проходили апробацию в ходе работы по грантам: 1) девятимесячной стажировки в Университете Боулинг Грин (Огайо, США) август 1997- май 1998 г. (USIA Junior Faculty Development Program); 2) трехмесячной работы в Центральном европейском университете в г. Будапешт в октябре-декабре 2005 г. (исследовательский грант Отдела Специальных и Дополнительных программ при Центральном Европейском университете); 3) шестимесячной работы в в Городском университете Нью-Йорка (США) в январе – июле 2010 г. (грант Программы Фулбрайта для проведения исследования).

Результаты исследования были изложены в выступлениях на следующих конференциях:

6-7 ноября 2009 – конференция в МГУ «Философия сознания: аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения». Доклад на тему «Может ли репрезентационализм решить трудную проблему сознания?»

29 сентября-1 октября 2011 г. – «Психология сознания: современное состояние и перспективы» II Всероссийская научная конференция. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. (г. Самара)

15-17 ноября 2011 г. Международная конференция «Дэвид Юм и современная философия». Институт философии РАН, Московский государственный университет им. Ломоносова, НИУ Высшая Школа Экономики (г. Москва)

28-30 ноября 2011г. «Семантика и онтология» Всероссийская научная конференция. Институт социальных и политических наук, Департамент философии, кафедра онтологии и теории познания. Уральский Федеральный университет. (г. Екатеринбург)

29-30 марта 2012 г. «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» Всероссийская научная конференция. Институт философии РАН

29-31 мая 2012 г. – «Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России». Всероссийская научная конференция с международным участием. Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

10-11 декабря 2012 г. Всероссийская научная конференция «Логико-лингвистический анализ проблем эпистемологии» Институт социальных и политических наук, Департамент философии, кафедра онтологии и теории познания. Уральский Федеральный университет. (г. Екатеринбург)

24-25 мая 2013 г. Междисциплинарная конференция «Натуралистические концепции сознания» (Санкт-Петербург, Россия).

Результаты исследования использованы при подготовке лекционных курсов и учебных пособий для студентов и аспирантов КГМУ.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **первой главе** рассматривается, как и почему в контексте поисков решения психофизической проблемы возникает проблема сознания. В ней кратко излагаются две главные материалистические теории психики второй половины XX в. – теория психофизического тождества и функционализм.

В **§1** психофизическая проблема представлена как проблема объяснения наблюдаемых корреляций между психическими и физическими свойствами. Рассматриваются четыре возможных варианта отношений между свойствами, начиная с самого слабого и заканчивая самым сильным: 1) случайная корреляция, 2) каузальная/номологическая связь, 3) отношение реализации (или конституирования), 4) отношение тождества. Показывается, что последовательный материализм совместим с двумя ответами на вопрос «Каково отношение между психическими и физическими свойствами?»: отношение реализации и отношение тождества. Это соответствует двум разновидностям современного материализма – нередукционистскому и

редукционистскому. Редукционистский материализм предполагает, что рано или поздно все науки будут редуцированы к физике, что будет показано, что все явления более высокого уровня тождественны своим физическим эквивалентам. Представители «нередуктивного физикализма» сомневаются в выполнимости такой редукции. Они считают, что хотя все объекты – в том числе изучаемые химией, биологией, психологией, экономикой, социологией – в конечном счете реализуются физически, но между явлениями более высокого уровня и физическими явлениями существует менее жесткое отношение – отношение реализации.

Название «нередуктивный материализм» вводит в заблуждение, поскольку «нередуктивный» материализм, в отличие от эмерджентизма, вовсе не отказывается от идеи редуктивного объяснения (объяснения в терминах нижележащего уровня). Подробнее этот вопрос рассматривается в главах 4 и 5.

В §2 излагается теория тождества, выдвинутая в конце 50-х гг. XX в. Уллином Плейсом, Гербертом Фейглом и Джоном Смарттом. Обсуждение их статей привело к возвращению классической проблемы души и тела, которая стала центральной метафизической проблемой современной аналитической философии. Согласно теории тождества, психические события есть физические события в мозгу, и ничего сверх и помимо этого, подобно тому как молния есть электрический разряд в атмосфере, и ничего сверх и помимо этого. Далее, излагаются основные положения теории тождества и возражения, выдвинутые против нее М. Блэком, С. Крипке и Х. Патнэмом. Уже в конце 60-х – начале 70-х гг. теория тождества уступила лидерство функционализму.

В §3 показано, что функционализм был выдвинут как материалистическая альтернатива теории тождества. Критикуя теорию психофизического тождества, Патнэм отмечает, что сторонник этой теории должен точно определить физико-химическое состояние мозга такое, что любой организм (не только организм млекопитающего) испытывает боль, если и только если он обладает мозгом с соответствующей структурой и его мозг находится в этом физико-химическом состоянии. Это должно быть такое состояние, в котором может находиться и мозг млекопитающего, и мозг осьминога, и мозг рептилии, более того – мозг любой внеземной формы жизни. Патнэм не отвергает эту гипотезу, хотя и называет ее амбициозной, однако более правдоподобной он считает гипотезу, что существуют психологические состояния, общие для разных видов, которые у разных видов реализуются по-разному. Например, боль может быть реализована в разных организмах разными физико-химическими состояниями (аргумент множественной реализуемости).

Функционализм не предполагает никаких ограничений на физические реализации психических состояний. «Мы могли бы быть сделаны и из

швейцарского сыра, но это не имело бы никакого значения»⁴. Значение имеет лишь функциональная организация – то, каким образом психические состояния причинно связаны друг с другом, а также с сенсорным входом и моторным выходом.

В данной работе рассматриваются две основные разновидности функционализма – вычислительный функционализм и аналитический функционализм. Вычислительный функционализм выражает каузальные связи психического состояния с другими психическими состояниями, а также с сенсорным входом и с поведением на выходе в терминах *вычислительного механизма*. *Аналитический функционализм* трактует функциональную характеристику психических состояний как априорный анализ значений наших обыденных психических терминов.

В §4 рассматривается вычислительный функционализм как он развивался Х. Патнэмом, от аналогии с машиной Тьюринга до утверждения, что психика человека является разновидностью машины Тьюринга. Довольно скоро стало ясно, что нельзя буквально отождествлять психические состояния с состояниями машины Тьюринга. Х. Патнэм сам становится нетерпимым критиком функционализма, доказывая, что функционализм не может дать удовлетворительного объяснения содержания психических состояний.

В §5 аналитический функционализм представлен на примере Д. Льюиса. Льюис полагал, что для психофизической идентификации необходимо проанализировать значение психических терминов в терминах каузальной роли. Если с помощью априорного концептуального анализа можно представить психическое состояние М как состояние, выполняющее каузальную роль F, и если эмпирически обнаружится, что состояние мозга В выполняет каузальную роль R, то из этого логически вытекает, что $M = B$.

Принцип определения психических состояний через их каузальную роль является бихевиористским по происхождению, еще бихевиористы заметили, что такие определения являются аналитически истинными. Но Льюис отмечает, что его принцип улучшает бихевиористский подход: он позволяет психическим состояниям быть реальными; он позволяет включить другие психические состояния в типичные причины и следствия, через которые дается определение данному психическому состоянию. Однако при таком подходе невозможно дать определение психическому состоянию, не ссылаясь на другие психические состояния, а это похоже на порочный круг и чревато регрессом в бесконечность. Д. Льюис предложил метод конструирования функциональных определений теоретических терминов, в частности психических терминов, который позволяет избежать проблемы

⁴ Putnam H. 1975. Philosophy and Our Mental Life / H. Putnam // In Putnam H. *Mind Language and Reality, Philosophical Papers, Volume 2*. Cambridge: Cambridge University Press: 291-303. Перевод на рус. яз. Патнэм Х. *Философия и наша ментальная жизнь* // Патнэм Х. *Философия сознания*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 88.

круга в определении. Он использовал формальную технику, разработанную Фрэнком Рамсеем.

Главное возражение против аналитического функционализма состоит в следующем: теория психики, которая ограничивается анализом понятий лишь народной психологии, может включать в себя ошибочные компоненты. А учитывая то, что, согласно функционализму, психологические понятия определяются одновременно все сразу, достаточно одного ложного компонента, чтобы сделать всю теорию ложной.

В §6 показано, почему в середине 70-х гг. XX в. проблема сознания стала центральной проблемой философии психики. В 1974 г. была опубликована статья Т. Нейгела «Каково это – быть летучей мышью?». В этой статье Нейгел утверждает, что разнообразные попытки редуцировать психические явления к физическим несостоятельны, поскольку все они упускают важнейшую черту психики – сознание. Это относится не только к теориям тождества, которые отождествляют психические явления непосредственно с нейрофизиологическими состояниями мозга, но и к функционалистским объяснениям, в которых психические явления отождествляются с когнитивными функциями.

Особенностью сознания, которая отличает его от всех других явлений действительности и делает его объяснение уникальной проблемой, является его качественный и субъективный характер. Для описания феноменального характера сознания Нейгел вводит выражение «нечто, каково это». Существует нечто, каково это – видеть красный томат, существует нечто, каково это – ощущать вкус лимона, существует нечто, каково это – ликовать по поводу победы, и т.п. В современной философии для обозначения разных по качеству субъективных переживаний используется термин «квалиа». Все эти качества, все эти «каково это», доступны только изнутри – с точки зрения переживающего их субъекта. Нейгел указывает на разрыв между субъективной природой сознания и объективной направленностью редукции: «если факты сознания – факты, каково это для переживающего организма, – доступны только с одной точки зрения, то настоящей загадкой является то, как истинный характер этих переживаний может быть обнаружен в физической работе этого организма»⁵.

Многие философы трактовали этот разрыв как ложность материализма. Были сформулированы аргументы, которые это доказывают - аргумент знания, аргумент мыслимости и аргумент разрыва.

Во **второй главе** анализируется аргумент знания. Аргумент знания опирается на интуицию, что можно обладать всей полнотой физического знания об ощущении и в то же время не знать, каково это – испытывать данное ощущение. Самая известная и наиболее обсуждаемая версия аргумента знания была предложена Фрэнком Джексоном: «Мэри заключена в черно-белой комнате. Она получает образование с помощью черно-белых

⁵ Nagel T. 1974. What is it like to be a bat?... P. 425.

книг и черно-белого телевизора. Так она узнает всё, что можно знать о физической природе мира. Она знает все физические факты о нас и о нашей окружающей среде в широком смысле слова «физический», который включает всю завершённую физику, химию и нейрофизиологию и все вытекающие отсюда знания о каузальных и реляционных фактах, в том числе, конечно, о функциях. Если физикализм является истинным, она знает все, что можно знать. Полагать обратное – значит полагать, что можно знать больше, чем все физические факты, а это как раз то, что отрицает физикализм. Представляется, однако, что Мэри не знает всё, что можно знать, поскольку, когда ей позволят выйти из черно-белой комнаты или дадут цветной телевизор, она узнает, каково это – видеть, скажем, красный цвет... Следовательно, физикализм ложен»⁶.

Физикализм, по мнению Джексона, предполагает возможность априори дедуцировать из полной физической информации о нас и о мире то, какими вещи нам кажутся. Если бы физикализм был верен, то Мэри не узнала бы ничего нового, она могла бы априори дедуцировать каково это – видеть красный цвет.

Аргумент вызвал оживлённую дискуссию, которая продолжается даже после того, как в 1998 г. Джексон изменил свое мнение, признал аргумент знания ошибочным и перешел на позицию физикализма.

Логическая структура аргумента знания представлена в следующем виде:

(1) Мэри (до своего освобождения) знает все физические факты о других людях.

(2) Мэри (до своего освобождения) знает о других людях не всё (потому что она узнает нечто новое о них после своего освобождения).

(3) Физикализм требует признать, что если Мэри знает все физические факты, то она знает все факты.

(4) Следовательно, физикализм ложен.

Далее излагаются различные варианты ответов материалистов на аргумент знания. Для удобства анализа этих ответов использована схема Роберта ван Гулика, который классифицировал эти ответы с помощью последовательности вопросов. Положительный ответ на вопрос означает согласие с аргументом на данном этапе рассуждения. Отрицательный ответ на вопрос означает, что здесь и заключается ошибка аргумента знания, что заключение не вытекает из посылок.

В §2 рассматривается вопрос 1: Действительно ли Мэри узнает что-то новое, когда впервые воспринимает красный цвет? Категорически отрицательный ответ на этот вопрос дает Д. Деннет. Мэри не узнает ничего нового, поскольку еще до выхода из своей черно-белой комнаты она знает каково это – видеть красный цвет. С помощью двух мысленных экспериментов Деннет пытается показать, что нет необходимости в

⁶ Jackson F. 1986. What Mary Didn't Know // *Journal of Philosophy* 83: 291-295.

непосредственном переживании красного цвета, чтобы знать каково это - видеть красный цвет. Большинство материалистов дают положительный ответ на первый вопрос. Аргумент представляет серьезную угрозу материализму в том случае, если новое знание Мэри является фактическим знанием.

В §3 рассматривается вопрос 2: Является ли новое знание Мэри фактическим? Ряд философов считают, что новое знание Мэри («знание, каково это») не является фактическим, аргумент знания не является валидным из-за двусмысленности термина «знание». Они расходятся между собой в толковании характера нового знания Мэри. В работе анализируются две гипотезы: 1) гипотеза способностей: Мэри приобретает не новое знание, а новые способности (способность узнавать цвет, воспроизводить его в своем воображении) (Л. Немироу и Д. Льюис), 2) гипотеза знакомства (Мэри приобретает знание-знакомство) (Э. Кони).

Л. Немироу категорически отвергает существование субъективных фактов, доступных только от первого лица; в том же духе Д. Льюис отрицает существование феноменальной информации, независимой от физической информации. В этом они правы, но они не учитывают, на мой взгляд, одно простое обстоятельство, диктуемое сценарием мысленного эксперимента, предлагаемого Джексоном: Мэри впервые видит красный цвет – и это действительно новый факт, как в феноменальном, так и в физическом смысле.

Гипотеза знакомства Э. Кони состоит в следующем. Он выделяет три категории знания: 1) фактическое знание (владение информацией), 2) знание *как* (обладание способностями) и 3) знание через знакомство. Кони полагает, что знание, которое приобретает Мэри, является знакомством с феноменальным качеством. Это знание не сводимо ни к фактическому знанию, ни к «знанию как». На это убедительно возражает М. Нида-Румелин: знакомство с феноменальным качеством является необходимым условием фактического знания о том, что сознание других людей имеет такое феноменальное качество. Следовательно, Мэри не знала все факты.

На мой взгляд, аргумент знания не достигает цели. В принципе Мэри может дедуцировать из физического описания теоретический аналог субъективного ощущения красного цвета, не выходя из своей комнаты, хотя это знание не будет её знанием от первого лица. Для того, чтобы Мэри действительно узнала, каково это – видеть красный цвет от первого лица, необходимо, чтобы она сама его увидела, т.е. репрезентировала красный цвет с помощью врожденной биологической системы кодирования.

В §4 рассматривается вопрос 3: Узнает ли Мэри новый факт? Многие материалисты соглашались с тем, что Мэри приобретает больше, чем новые способности, она приобретает новое фактическое знание, но означает ли это, что она узнает новый факт? Отрицательный ответ на этот вопрос дают Т. Хорган, П. Чёрчлэнд, М. Тай, Т. Лоар, Р. ван Гулик, У. Лайкан и другие.

Дело в том, что новое фактическое знание не обязательно подразумевает знание новых фактов. Мэри приобретает новое знание фактов, которые она уже знала раньше, но в другой форме презентации. Этот ответ на аргумент знания называют «Новое знание/старый факт».

В ответ на замечание Д. Льюиса о том, что это ведет к абсурдному выводу, будто изучив новый язык (французский или урду), можно получить новые фактические знания, Р. ван Гулик пишет, что переход от способности репрезентировать факты о природе цветового переживания на языке теоретической нейронауки к способности делать это с помощью врожденной биологической системы кодирования является гораздо большим изменением, нежели переход от английского к французскому или урду. А потому вполне правомерно говорить о новом фактическом знании Мэри.

Но если Мэри знала все физические факты, то почему же она не вывела из них каково это видеть красный, находясь в своей комнате? Простой ответ на аргумент знания предлагает М. Тай: до своего освобождения Мэри не могла знать, каково это видеть красный, у нее просто не было необходимых для этого понятий. Феноменальные понятия могут быть сформированы только в опыте переживания соответствующего феноменального качества. Б. Лоар дает иной ответ: феноменальные понятия являются исключением, они относятся к классу опознавательных понятий, опознавательные понятия и теоретические понятия концептуально независимы. В данной работе показано, что стратегия феноменальных понятий не является эффективной.

До сих пор ответы физикалистов сходились в одном: Мэри не узнает никаких новых фактов. Либо потому, что она вообще не узнает ничего фактического, либо потому, что факты, которые она узнает, не являются по-настоящему новыми. А что если Мэри все-таки узнает некоторый новый факт? В этом случае есть только одна возможность избежать антифизикалистского заключения – отрицать, что Мэри знала все физические факты. Отсюда следующий вопрос: знала ли Мэри до своего освобождения все физические факты? Он рассматривается в §5. У Мэри отсутствуют понятия, которые помогли бы показать, что между физическим и феноменальным существует необходимая связь. Эту идею развивает Д. Столяр. Д. Столяр допускает, что истины, которые не знала Мэри, находясь в черно-белой комнате – это не истины фундаментальной физики, а истины, которые проистекают (супервентны) из фундаментальных. Зная все физические факты, она не может вывести факты сознания, поскольку ей не хватает знания соответствующего промежуточного звена.

Гипотеза незнания, как ее называет Д. Столяр, отражает современное состояние понимания сознания, но вряд ли является убедительным ответом на аргумент знания. Вывести из физических знаний описание сознания в феноменальных понятиях в принципе невозможно в силу неизбежности концептуального разрыва между дотеоретическими и теоретическими понятиями. Необходима теория, которая позволит выразить факты сознания

в таких понятиях, которые, с одной стороны, отдадут должное субъективности сознания, а с другой стороны, позволят связать сознание с его физической основой. Но даже если будет создана такая теория и с ее помощью станет возможным показать теоретически, как физические процессы в принципе могут порождать феномены сознания, то для того, чтобы Мэри узнала, каково это – видеть красный цвет, все-таки необходимо, чтобы эти процессы происходили в ней самой.

В §6 Поворот Джексона анализируется позиция Ф.Джексона после капитуляции и возвращения в стан физикалистов. Джексон не изменил своего понимания физикализма: физикалистский ответ на вызов аргумента знания должен показать, как возможен априорный вывод природы цветового ощущения из физического знания. Он полагает, что этому требованию отвечает репрезентационалистская теория сознания. Задача состоит в том, чтобы найти такой анализ феноменальной репрезентации, который сделает возможным дедуцировать факт репрезентации из физического описания. При этом Джексон впадает в другую крайность – теперь он отрицает существование феноменальных качеств, объявляет их иллюзиями.

В §7 Выводы подводятся итоги анализа аргумента знания.

В третьей главе исследуется аргумент мыслимости. Последовательный материализм предполагает, что сознание либо тождественно определенным физическим процессам, либо проистекает (супервентно) из них, т.е. реализуется ими. Так, если субъективное качество Q проистекает из, или реализуется, совокупностью физических свойств P , то метафизически невозможно, чтобы P имело место, а Q отсутствовало. Если бы можно было показать, что допустима ситуация, в которой P имеет место, а Q нет, то это означало бы, что P не реализует Q . Возможно, P является причиной Q , но P не является реализацией Q . В этом случае материализм был бы опровергнут.

Традиция опровержения материализма с помощью апелляции к мыслимости определенной ситуации восходит к Декарту. В современной философии апелляция к мыслимости активно используется для критики материализма. С. Крипке (1972/1980) апеллирует к мыслимости для опровержения материализма в лице теории тождества. Р. Кёрк (1974) предлагает аргумент «зомби» в качестве контрпримера теории тождества. Аргумент мыслимости лежит в основе опровержения материализма Д. Чалмерсом (1996). На сегодняшний день он является самым последовательным оппонентом материализма, использующим этот аргумент. В данной главе подробно рассматривается одна из версий аргумента мыслимости – версия зомби, а также три стратегии, которые используют материалисты для ответа на этот аргумент.

В §1 показывается, что на сегодняшний день терминология для описания модального статуса мыслимой ситуации не устоялась. Понятия

«логическая возможность» и «метафизическая возможность» используются как взаимозаменяемые. Так, не делают различия между ними С. Крипке, Д. Левин, Д. Чалмерс, при этом «логическую возможность» они трактуют по-разному.

Метафизическая возможность определяется по отношению к пространству возможных миров. Если некоторая ситуация истинна хотя бы в одном из возможных миров, то она является метафизически возможной. Метафизическая возможность может отсутствовать в актуальном мире с его естественными законами. Метафизическую возможность принято выражать через логическую возможность. У нас нет другого способа судить о ней кроме как с помощью логических отношений между понятиями. Именно поэтому метафизическую возможность и логическую возможность часто отождествляют. Вместе с тем метафизическая возможность существует независимо от того, имеется ли у нас концептуальный аппарат для ее описания. Если логическая возможность определяется не только формально-логически, но и семантически, то это сближает концептуальную и логическую возможности. Поэтому в данной работе понятия «логическая возможность» и «концептуальная возможность» используются как взаимозаменяемые и отличаются от метафизической возможности. Центральный вопрос дискуссии вокруг аргумента мыслимости формулируется так: вытекает ли из мыслимости, т.е. логической/концептуальной возможности, метафизическая возможность?

В §2 анализируется логическая структура наиболее популярной версии аргумента мыслимости – версии «зомби». Зомби – это существо, которое является абсолютной функциональной и физической копией человека, которое ведет себя как человек (рассказывает о себе, смеется, ест, спит и т.п.), но при этом лишено сознания, внутренняя жизнь отсутствует, все процессы происходят «в темноте». Аргумент мыслимости исходит из того, что зомби мыслимы. Это не значит, что они реально существуют, даже антиматериалисты признают, что в актуальном мире с его законами сознание зависит от процессов в мозгу. Однако для опровержения материализма это не имеет значения. Если мы не можем априори исключить существование зомби, если зомби возможны, то это означает, что физические процессы не реализуют сознание. Аргумент выглядит следующим образом.

- (1) Мыслимо, что существуют зомби.
- (2) Если мыслимо, что существуют зомби, то метафизически возможно, что существуют зомби.
- (3) Если метафизически возможно, что существуют зомби, то материализм ложен.
- (4) Материализм ложен.

Третья посылка аргумента обычно не вызывает возражений у материалистов. Как было уже сказано выше, материализм предполагает связь реализации между физическими процессами и психическими

явлениями. Если определенные физические процессы имеют место, то из этого автоматически вытекает наличие соответствующего макрофеномена. Материализм исключает метафизическую возможность зомби.

Для защиты материализма необходимо показать ложность первой или второй посылки аргумента или и той, и другой. Рассматриваются три стратегии опровержения аргумента, которые разрабатываются материалистами. Одни материалисты отрицают первую посылку и на этом основании отрицают заключение. Другие принимают первую, но возражают против второй посылки. Третья стратегия заключается в том, чтобы показать зависимость мыслимости какой-либо ситуации от состояния наших знаний о мире на сегодняшний день, что делает заключение о ложности материализма преждевременным.

В §3 рассматривается первая стратегию – отрицание первой посылки. Основания для отрицания приводятся разные. Д. Деннет отрицает мыслимость зомби на том основании, что быть сознающим равносильно выполнению определенных когнитивных функций. Представление же о том, что существует нечто сверх и помимо этих функций, есть иллюзия.

Д. Перри и Р. Кёрк отрицают мыслимость зомби на другом основании: поведение зомби по определению совершенно неотлично от поведения сознающих людей, но это мыслимо только в том случае, если сознание не оказывает никакого влияния на поведение, если оно является эпифеноменом. Доводы Перри и Кёрка представляются вполне убедительными, но они работают только против варианта аргумента мыслимости, в котором мыслится зомби, начисто лишенный сознания. Против мыслимости инверсии квалиа эти доводы не работают.

Гипотеза инверсии квалиа – это мыслимость существа, возможно, человеческого существа, физически идентичного с нами, но у которого пространство квалиа (например, спектр цветовых ощущений) перевернуто в сравнении с нашим. Когда мы видим красный цвет, это существо видит голубой. Люди с перевернутым спектром способны выбирать спелые томаты, правильно реагировать на сигналы светофора, т.е. будут вести себя так же, как мы. Сознание выполняет свою каузальную роль – функцию дискриминации, но феноменологически это выглядит совершенно иначе, чем у нас.

В §4 исследуется вторая стратегия опровержения аргумента мыслимости, которую предпочитают Н. Блок, Д. Левин, К. Хилл, Б. Лоар и др. Первая посылка аргумента ими принимается. Это не значит, что зомби признаются реально существующими. Это означает лишь, что зомби концептуально возможны. Аргумент мыслимости признается недействительным в силу ложности второй посылки – из мыслимости не вытекает метафизическая возможность, зомби логически возможны, но метафизически невозможны.

Сторонники второй стратегии ссылаются на апостериори необходимые истины С. Крипке. Логически (концептуально) возможно, что вода не является H_2O , но метафизически это невозможно. Зомби мыслимы, но невозможны. По мнению Чалмерса, они неправомерно сужают пространство метафизически возможного. Можно согласиться с Чалмерсом, что у сторонников второй стратегии нет оснований для этого. Хотя пространство метафизически возможного действительно ограничено логически (и семантически), необходимо учитывать, что наше представление о метафизически возможном меняется с изменением наших понятий и ростом эмпирических знаний. Слабость второй стратегии, на мой взгляд, состоит в том, что из мыслимости зомби вытекает дизъюнкция: зомби метафизически возможны или метафизически невозможны.

Сторонники аргумента мыслимости настаивают на том, что всякой логической (концептуальной) возможности соответствует метафизическая возможность. Они используют несколько способов это показать. Первый связан с аргументом М.Блэка, второй – с аргументом С.Крипке, третий предлагает Д. Чалмерс, усовершенствовав аргумент Крипке с помощью двумерной семантики. В данной работе показывается, что ни один из этих способов не может доказать, что из мыслимости вытекает метафизическая возможность.

В §5 показана третья стратегия ответа на аргумент мыслимости – возражение с точки зрения незнания. Третья стратегия является, на мой взгляд, самым убедительным ответом на аргумент мыслимости. Позицию незнания занимают Т. Нейгел, Р. ван Гулик, Д. Столяр, С. Уорли и др. Эта позиция заключается в следующем: нам не хватает знаний для того, чтобы логически связать физические процессы и сознание. Именно поэтому сейчас нам ничто не мешает думать о зомби. Однако будущее развитие науки может сделать зомби немыслимым. Мы не знаем такого факта о мире, который бы позволил нам логически связать физические процессы и сознание, субъективное и объективное.

Таким образом, аргумент мыслимости не доказывает ложности материализма, но мыслимость зомби нельзя игнорировать, поскольку она является симптомом пробела в наших знаниях.

В **четвертой** главе анализируется аргумент разрыва в объяснении, цель которого показать, что редуктивное объяснение сознания невозможно. В объяснении сознания существует принципиальный разрыв, который свидетельствует о наличии онтологического разрыва.

В §1 рассматривается модель редуктивного объяснения, на которую опирается аргумент в пользу существования принципиального разрыва в объяснении сознания. Эта модель разделяется как материалистами (представителями аналитического функционализма), так и критиками материализма. Она была предложена Д. Льюисом (1966, 1972) и развивается в работах Д. Левина, Ф. Джексона, Д. Чалмерса. Д. Ким (2005) выделяет три

стадии в модели функционального редуцирующего объяснения (он называет ее моделью функциональной редукции). Чтобы редуцировать свойство, мы должны его «функционализировать», т.е. определить или переопределить его в терминах каузальной задачи, которую выполняет данное свойство. Это первый шаг. Например, чтобы редуцировать ген к ДНК, вначале надо определить ген в терминах его роли в кодировании и передаче информации. Далее мы должны найти «реализаторов» этой функциональной роли. Например, ДНК. Третий шаг – мы должны построить теорию, которая объясняет, как реализаторы редуцируемого свойства справляются с выполнением каузальной задачи. Например, как молекулы ДНК конкретно реализуют работу по кодированию и передаче информации.

Если удастся дедуцировать экспланандум из эксплананса, то это говорит об успешности редуцирующего объяснения. Ким выражает эту мысль следующим образом: «...логическая выводимость – это единственный, конкретный и объективный критерий, который имеется в нашем распоряжении в дискуссиях о возможности объяснения. Чтобы объяснить явление, мы должны его вывести или вывести утверждение, которое его представляет, из совокупности утверждений, представляющих его эксплананс»⁷.

В §2 демонстрируется наличие разрыва в объяснении. Термин “разрыв в объяснении” (explanatory gap) ввел в оборот Д. Левин (1983). Не соглашаясь с С. Крипке в том, что мыслимость возбуждения C-волокон в отсутствие боли свидетельствует о ложности материализма, он, вместе с тем, признает, что мыслимость случайной связи между психическим и физическим нельзя игнорировать. Она свидетельствует о наличии разрыва в материалистических объяснениях психики. Д. Левин сравнивает два суждения тождества: (1) Боль есть возбуждение C-волокон; (2) Теплота есть движение молекул. В чем состоит различие между (1) и (2)? Суждение (2) выражает тождество, которое является полностью объясняющим, в то время как (1) оставляет нечто решающее без объяснения. Поэтому для понимания психического требуется дальнейшее объяснение, которое восполнило бы этот пробел.

Утверждение (2) указывает механизм, реализующий каузальные функции, с которыми мы связываем феномен теплоты. Каузальная роль теплоты исчерпывает наше понятие, которое предшествует нашему открытию сущности теплоты. Как только мы поняли, как осуществляется каузальная роль, не остается ничего, что надо объяснить. Феномен теплоты объяснен полностью.

Что объясняет утверждение (1)? Оно объясняет механизм выполнения определенной каузальной роли (функции), которую выполняет боль. Да, это важная грань того, что должно быть сказано о боли. Но наше понятие боли

⁷ Kim J. 2005. Physicalism, or something near enough / J.Kim. - Princeton: Princeton University Press, P.101-102.

содержит *больше*, чем ее каузальная роль, – ее качественный характер, то, как она ощущается. Последнее остается необъясненным. Почему боль должна ощущаться именно так, как она нами ощущается? Нет ничего такого в возбуждении С-волокон, что делало бы его естественным образом соответствующим именно феноменальным свойствам боли, а не каким-либо другим. Связь между субъективным качеством боли и возбуждением С-волокон остается полностью загадочной.

Д. Чалмерс (1995) развивает аргумент разрыва в объяснении. Он вводит понятия "легкая проблема сознания" и "трудная проблема сознания". Слово "сознание" используется в разных смыслах. Разным понятиям сознания соответствуют разные явления, связанные с сознанием. Одни из них представляют явления от третьего лица, другие – явления от первого лица. Объяснение первых – легкая проблема, вторых – трудная проблема.

К легким проблемам Чалмерс относит объяснение следующих явлений сознания: 1) дискриминация внешнего стимула; 2) интеграция информации когнитивной системой; 3) способность дать отчет о ментальных состояниях; 4) способность системы иметь доступ к своим собственным внутренним состояниям; 5) способность фокусировать внимание; 6) произвольный контроль поведения; 7) различие между бодрствованием и сном.

Легкие проблемы являются легкими, потому что они касаются объяснения когнитивных способностей и функций. Чтобы объяснить когнитивную функцию, нам надо только установить механизм, который может выполнять эту функцию. Методы когнитивной науки хорошо приспособлены для такого рода объяснений. Напротив, трудная проблема трудна именно потому, что она не является проблемой объяснения выполнения функций. Проблема остается даже тогда, когда мы объяснили выполнение всех когнитивных и поведенческих функций, имеющих отношение к сознанию. Даже после этого может оставаться дополнительный вопрос: *Почему выполнение этих функций сопровождается субъективным переживанием?*

По мнению Чалмерса, трудная проблема не может быть решена путем отождествления сознания с некоторой функцией и выяснения физического (физиологического) механизма выполнения этой функции. Возможно, окажется, что сознание выполняет важную когнитивную роль (функцию). Но какую бы роль оно не играло, объяснение сознания всегда будет больше, чем простое объяснение функции, потому что нет когнитивной функции такой, чтобы мы заранее могли сказать, что объяснение этой функции *автоматически* даст объяснение сознания.

Логическая структура аргумента разрыва представлена следующим образом:

(1) Явление объяснено, если оно логически вытекает из редуцирующего эксплананса.

(2) Логический вывод обеспечивается анализом понятия объясняемого явления в терминах его каузальной роли (или функции).

(3) Если явление логически вытекает из эксплананса, то немислимо, чтобы явление отсутствовало, когда эксплананс имеет место.

(4) Каким бы детальным не был функциональный анализ сознания, всегда будет мыслимо, что все это может происходить без какого-либо феноменального состояния («в темноте»).

(5) Не существует каузального/функционального анализа сознания, который мог бы обеспечить дедукцию сознания.

(6) Следовательно, сознание логически не вытекает из физических / функциональных описаний.

(7) Следовательно, существует принципиальный разрыв в объяснении сознания. Сознание не может быть редуktivно объяснено.

В §3 анализируются ответы материалистов на этот аргумент. **Первый ответ.** Р. ван Гулик считает, что в аргументе содержится ошибка предрешения вопроса: возможность функционального анализа сознания, который бы обеспечил логическое выведение сознания из явлений более низкого уровня, нельзя исключить a priori. В самом деле, мыслимость отсутствия сознания в ситуации, которая удовлетворяет всем функциональным описаниям сознания, указывает на то, что имеющиеся функциональные описания неадекватны. Но это не значит, что *любое* функциональное объяснение будет неадекватным.

Второй ответ. Н. Блок и Р. Стэлнейкер (1999) возражают против первой посылки. Они утверждают, что логическое выведение не требуется для редуktivного объяснения, так как в парадигмальных случаях редуktivного объяснения дедукция объясняемого явления отсутствует. В работе показано, что Н. Блок и Р. Стэлнейкер смешивают два разрыва: 1) разрыв между двумя уровнями научного описания и 2) между описаниями явления на обыденном и научном языках. Для закрытия разрыва в объяснении не требуется дедукция описания экспланандума на обыденном языке из описания в терминах более низкого уровня, да это и невозможно. Необходимым требованием редуktivного объяснения является дедукция научного описания экспланандума.

Третий ответ. В отличие от Блока и Стэлнейкера, Б. Лоар (1997) признает существование дедукции в редуktivных объяснениях явлений природы. Вместе с тем он полагает, что сознание представляет собой исключение. Сознание не вытекает априори из физических описаний, но это вполне совместимо с материализмом. Лоар полагает, что феноменальные понятия нередуцируемы, поскольку они являются опознавательными понятиями, а последние обычно концептуально не зависят от теоретических понятий. В работе показана неудовлетворительность этого ответа: он не решает проблему, а лишь оправдывает существование эпистемического разрыва, тем самым делает ненужным поиск такой теории, которая бы

сделала концептуальную связь между физическим и феноменальным интеллектуально прозрачной

Четвертый ответ. В отличие от Лоара, П. Кэрратерс (2001) соглашается с тем, что успешное редуктивное объяснение требует, чтобы объясняемое явление априори вытекало из описания физического процесса, который лежит в основе этого явления, и что в этом смысле сознание не является исключением. Разрыв в объяснении сознания образуется, по его мнению, когда мы используем чисто опознавательные понятия для описания экспланандума. Если же описать сознание в терминах от третьего лица, то не будет никакого разрыва. Стратегия замены феноменальных понятий мне представляется верной, но та замена, которую предлагает сам Кэрратерс - «Это состояние сознания, о котором он/она интроспективно знает прямо сейчас» - является неудовлетворительной. В этом понятии-замене содержится указание на обстоятельства, в которых феноменальные свойства имеют место, оно является связующим звеном психофизической корреляции, но это понятие не является связующим звеном между сознанием и физическими процессами и потому не может служить для теоретической реконцептуализации сознания.

Т. Нейгел считает, что для закрытия разрыва в объяснении сознания необходимо такое понятие, из которого непосредственно вытекали бы и психическое, и физическое и благодаря которому их актуальная необходимая связь друг с другом стала бы для нас прозрачной. **Пятый ответ.** В ответ на это Д.И. Дубровский утверждает, что у нас давно уже есть "третье понятие". Этим третьим понятием является понятие *информации*. Всякое явление субъективной реальности есть информация. Информация же необходимо воплощена в своем материальном носителе, которым в данном случае является определенный нейрофизиологический процесс. Этим, в принципе, решается вопрос о *необходимой связи* ментального и физического.

В работе выражается солидарность с уверенностью Дубровского в том, что принципиального, непреодолимого разрыва в объяснении сознания нет, что теория сознания может быть только информационной. Объяснение сознания скорее является нерешенной задачей. Показаны слабые места информационной теории Дубровского, которые нуждаются в развитии.

В **пятой главе** подводятся итоги анализа антиматериалистических аргументов в предыдущих главах, исследуется классификация основных материалистических подходов к решению проблемы сознания и дается их оценка.

Предпосылкой всех трех аргументов является определенное понимание требований, которым должно отвечать материалистическое объяснение любого феномена. Таким требованием является возможность дедуцировать, вывести этот феномен из физических фактов. Если материализм верен, то любой факт логически (априори) вытекает из физического описания в

сочетании с описанием каузальной роли. Многие материалисты считают это требование чрезмерным, но в данной работе оно принимается.

Во всех трех аргументах, как отмечает Д. Чалмерс (2002), имеется общая структура. Все три аргумента начинают с того, что устанавливают эпистемический разрыв (феноменальные факты не вытекают априори из физических фактов): зная все физические факты о мире, мы не можем вывести из них феноменальные факты (аргумент знания); мы можем помыслить, что соответствующие физические факты имеют место, а феноменальные факты отсутствуют (аргумент мыслимости); мы не можем объяснить феноменальные факты в терминах физических фактов, поскольку для этого требуется функциональный анализ сознания, а сознание не является функциональным понятием (аргумент разрыва).

Далее из наличия эпистемического разрыва делается вывод о наличии онтологического разрыва: в аргументе мыслимости из мыслимости делается заключение о метафизической возможности; в аргументе знания из невозможности дедуцирования делается заключение о том, что существуют не только физические факты; в аргументе разрыва из невозможности объяснения в физических терминах делается заключение о нефизической природе. Отсюда делается заключение, что материализм ложен.

Эта общая структура трех аргументов, на мой взгляд, позволяет увидеть, почему эти аргументы не могут быть опровержением материализма. Слабым звеном в ней является заключение от наличия эпистемического разрыва к наличию онтологического разрыва. Наличие эпистемического разрыва может означать несовершенство существующих теорий сознания, отсутствие у нас каких-то знаний. Вместе с тем необходимо признать, что, хотя антифизикалистские аргументы и не доказывают ложность материализма, дискуссия вокруг них демонстрирует, что для материалистов проблема сознания – как вписать сознание в физическую картину мира – по-прежнему остается нерешенной.

В §1 подвергается критике классификация основных подходов к проблеме сознания, предложенная Д. Чалмерсом (2002). Чалмерс поделил их на 6 классов: три **редуктивных материалистических** подхода (которые он обозначил *A*, *B* и *C*), которые рассматривают сознание как физический процесс и не предполагают расширения физической онтологии, и три **нередуктивных** подхода (*D*, *E* и *F*), которые считают, что сознание не редуцируется к физическим процессам, а потому необходимо расширить или переосмыслить физическую онтологию. К нередуктивным подходам Чалмерс отнес дуализм (*D*), эпифеноменализм (*E*) и *F*-монизм, или панпротопсихизм. Последние три подхода не рассматриваются в данной работе. По мнению Чалмерса, существует три способа, с помощью которых материалист может противостоять антифизикалистским аргументам. Материалист типа *A* отрицает, что существует эпистемический разрыв. Материалист типа *B* признает, что существует эпистемический разрыв, но

отрицает существование онтологического разрыва. Материалист типа С признает существование глубокого эпистемического разрыва, но полагает, что это связано с недостаточностью наших знаний.

Чалмерс считает, что тип А встречается в двух формах: 1) элиминативизм утверждает, что сознание не существует, и 2) аналитический функционализм утверждает, что сознание существует, но при этом сознание полностью определяется в функциональных и бихевиористских терминах. По мнению Чалмерса, различие между этими двумя формами чисто терминологическое. В работе доказывается, что отождествление аналитического функционализма и элиминативизма не корректно. Такое отождествление неявно предполагает, что любой анализ сознания в функциональных терминах будет упускать субъективный характер переживания, что феноменально-субъективный характер сознания в принципе невозможно выразить в функциональных терминах. Предлагается различать тип А1 и тип А2, к материализму типа А1 отнести позиции тех представителей аналитического функционализма, которые действительно являются элиминативистами, отрицают субъективную реальность. Тогда к типу А2 можно будет отнести все попытки понять феноменально-субъективное сознание в функциональных терминах. Его можно назвать *реалистским аналитическим функционализмом*.

Пространство возможных вариантов закрытия разрыва, по мнению Чалмерса, ограничивается тремя принципиальными положениями. 1) Физическое описание мира характеризует мир в терминах структуры и динамики. 2) Из истин о структуре и динамике можно дедуцировать только новые истины о структуре и динамике. 3) Истины о сознании не являются истинами о структуре и динамике. В связи с этим в работе утверждается, что третье положение постулируется Чалмерсом совершенно произвольно. Оно неправомерно ограничивает пространство возможных вариантов закрытия разрыва.

В §2 подвергается критике элиминативистская стратегия объяснения сознания. Элиминативисты отрицают существование сознания как субъективной реальности. В работе излагаются способы обоснования этого отрицания. Первый способ состоит в том, чтобы показать, что можно обойтись без понятия квалиа, поскольку в контексте новых научных теорий это понятие не играет никакой объяснительной роли. Вторым способом состоит в том, чтобы отрицать существование свойств, которые приписываются квалиа. Третий способ состоит в подмене экспланандума.

Первый способ. Известно, что мы верим в теоретические сущности в той мере, в какой они выполняют функцию объяснения того или иного феномена, для чего они и постулируются. Если мы можем найти теорию, которая лучше объясняет феномен, чем старая, то мы можем отказаться от старой теории вместе с теми сущностями, которые она постулировала. Элиминативисты утверждают, что квалиа постулируются как часть

определенной теории, а именно – «народной психологии». Современная наука способна объяснить психологические феномены и без обращения к квалиа. Несостоятельность первого способа состоит в том, что феномены сознания являются экспланандумом, или исходными данными, которые необходимо объяснить. Существует дотеоретическое понятие сознания (как часть народной психологии), которое обобщает эти данные. Можно подвергнуть его ревизии, заменить. Но нельзя отрицать сами исходные данные!

Второй способ реализует Д. Деннет. Он состоит в том, чтобы подорвать наше интуитивное понятие субъективных качеств сознания, или квалиа. Деннет утверждает, что он не отрицает существование сознания, он лишь отрицает те свойства, которые приписывают сознанию сторонники квалиа: 1) невыразимость; 2) простота и однородность; 3) доступность только самому субъекту опыта от первого лица; 4) непосредственная постижимость и безошибочность. Доводы Деннета подробно анализируются и показывается их несостоятельность. Вышеперечисленные свойства, на наш взгляд, верно характеризуют феноменологию сознания от первого лица. Вместе с тем ошибкой было бы считать, что мы можем знать природу квалиа путем непосредственного их усмотрения от первого лица. Разумеется, непосредственная доступность квалиа вовсе не означает, что мы знаем о них всё.

Третий способ. Для того чтобы убедить, что никакого эпистемического разрыва не существует, в качестве исходных данных, требующих объяснения, Деннет принимает не сами субъективные переживания, а словесные отчеты о них. Деннет стремится убедить нас в том, что квалиа – это иллюзии, а иллюзии, по определению, не существуют. Однако различие между иллюзией и действительностью возникает лишь на рефлексивном уровне сознания. Квалиа являются феноменами базового дорефлексивного уровня сознания, где такого различия еще нет.

В §3 сопоставляются две конкурирующие стратегии редукции сознания: редукция с помощью *аналитического тождества* и редукция с помощью *эмпирического тождества*. И сторонники, и противники аргумента разрыва в объяснении сознания согласны с тем, что редуктивное объяснение того или иного явления, в том числе сознания, должно показать *необходимую связь* этого явления с физическими фактами – иначе в объяснении остается разрыв, а это означает, что редукция не удалась. Каким образом можно показать, что необходимая связь между сознанием и физическими фактами существует? Стратегия аналитического тождества состоит в том, чтобы с помощью априорного концептуального анализа дедуцировать феноменальное сознание из физических фактов. Логическая выводимость демонстрирует наличие необходимой связи. Стратегию аналитического тождества с помощью функционального анализа реализует материализм типа A_2 . Стратегия *эмпирического тождества* состоит в том,

чтобы на основе методологических соображений принять психофизические корреляции в качестве теоретических тождеств. Этого достаточно для редукции, поскольку отношение тождества считается необходимой связью. Стратегию эмпирического тождества реализует материализм типа *B*.

Двум стратегиям соответствуют две модели редуктивного объяснения сознания. Стратегии аналитического тождества соответствует модель функциональной редукции, которая была рассмотрена в четвертой главе. Главным возражением против нее является отрицание требования логического выведения редуцируемого явления. Функциональной модели объяснения противопоставляется модель тождеств.

Использование эмпирических тождеств для закрытия разрыва в объяснении сознания является возвращением к теории типового психофизического тождества, которая была выдвинута еще в 50-е гг. XX в. Возвращению к теории тождества способствовала дискуссия о проблеме разрыва в объяснении сознания. Б. Лоар (1990), К. Хилл (1991), Б. МакЛофлин (1999), Н. Блок и Р. Стэлнейкер (1999), Д. Пэрри (2001), Т. Полджер (2004) и др. отождествляют феноменальные качества сознания с состояниями мозга и считают, что тем самым они закрывают разрыв в объяснении сознания.

В данном параграфе критически исследуются аргументы в пользу стратегии эмпирического тождества, а также выдвинутые против нее возражения. На этой основе делается вывод, что только вторая стратегия может закрыть разрыв в объяснении сознания.

В §4 исследуется замена дотеоретического понятия сознания. В дотеоретическом понятии сознания не содержится никаких свойств, позволяющих связать сознание с физическими процессами, его реализующими. Поэтому необходимо заменить его теоретическим понятием. Однако такая замена чревата тем, что можно упустить феномен, который мы хотим объяснить, т.е. существует опасность подмены экспланандума. Чтобы избежать подмены экспланандума, необходимо чтобы новое понятие было понятием той же самой вещи, а не чего-то другого. В каком отношении находятся старое и новое понятия? К. МакГинн характеризует отношение между ними как отношение **преемственности**. Это отношение не вписывается ни в парадигму двух разных смыслов одного и того же референта, ни в парадигму аналитического тождества. В данной работе в качестве понятия-преемника дотеоретического понятия сознания предлагается понятие феноменальной репрезентации.

В **шестой главе** анализируется современный репрезентационализм в понимании сознания и возможности материалистического объяснения сознания в его рамках. В §1 говорится о том, что промежуточным звеном, которое свяжет феноменальное сознание и физические процессы и тем самым устранил разрыв в объяснении сознания, может быть репрезентация. Согласно репрезентационализму, все психические состояния, в том числе

сознательные состояния, являются интенциональными. Интенциональность можно определить в терминах репрезентации, а репрезентация поддается редукции к физическим процессам. Если феноменальное сознание можно объяснить через репрезентацию, то, в конечном счете, его можно редуцировать к физическим процессам.

В §2 уточняется, что такое современный репрезентационализм и каковы его главные разновидности. Современный репрезентационализм весьма неоднороден. Ортодоксальный репрезентационализм стремится редуцировать сознание к интенциональности, объяснить его как разновидность интенционального состояния. Другие репрезентационалисты, например, Т. Хорган и Д. Тиенсон, наоборот, утверждают вслед за Д. Сёрлом первичность сознания по отношению к интенциональности, придают феноменологии решающую роль в формировании интенционального содержания психического состояния. *Слабый* репрезентационализм формулируется с помощью понятия проистечения (*supervenience*). *Сильный* репрезентационализм формулируется через тождество. Майкл Тай дает следующее определение: «феноменальный характер есть то же самое, что и репрезентациональное содержание, которое отвечает определенным дополнительным условиям»⁸. Близко к этому определению Чалмерса: «феноменальное свойство тождественно свойству репрезентации определенного содержания определенным способом»⁹.

Репрезентационализм утверждает, что феноменальные свойства наших чувственных переживаний (восприятий, ощущений и эмоций) определяются их интенциональным содержанием. Все репрезентационалисты соглашаются в том, что феноменальный характер сознания полностью исчерпывается содержанием и способом репрезентации, но трактуют это по-разному. Сторонники *редуктивного* репрезентационализма полагают, что содержание и способ репрезентации можно выразить в физических и функциональных терминах, не обращаясь к феноменальным понятиям. Свои версии редуктивного репрезентационализма предложили Ф. Дретске (1995), М. Тай (1995) и У. Лайкан (1996). *Нередуктивный* репрезентационализм предполагает, что хотя феноменальные свойства тождественны репрезентациональным свойствам, но эти последние не могут быть поняты без обращения к феноменальным понятиям, поскольку, как пишет Чалмерс, «сознание не может быть редуцировано к чему-то более фундаментальному, чем оно само»¹⁰.

⁸ Tye M. 2000. *Consciousness, Color, and Content* / M.Tye. – Cambridge (Mass.): MIT Press. – p.45.

⁹ Chalmers D.J. (2004) *The representational character of experience* / D.J. Chalmers // In Leiter B. (ed.) *The Future for Philosophy*. – Oxford: Clarendon. – P. 153 – 81. – URL: <http://consc.net/papers/representation.pdf>

¹⁰ *Ibid.*

По тому, как трактуется содержание психической репрезентации, различают *экстерналистский* и *интерналистский* репрезентационализм. Под влиянием идей Х. Патнэма (1975) и Бёрджа (1979) сторонники экстерналистского (широкого) репрезентационализма (Ф. Дретске, М. Тай и У. Лайкан) утверждают, что содержание репрезентации зависит не только от внутреннего состояния субъекта, от того, «что в голове» у субъекта, но и от окружающей среды, в которой находится субъект. Согласно экстерналистскому репрезентационализму, всякое психическое состояние имеет именно данный объект в качестве содержания, а не другой, в силу *каузального отношения* между этим объектом и психическим состоянием. Поскольку содержание психической репрезентации зависит от окружающей физической и лингвистической среды, т.е. является *широким*, то и феноменальный характер зависит от окружающей среды, является широким. Это означает, что два молекулярно идентичных субъекта могут испытывать разные переживания в зависимости от того, в какой среде они находятся. Эта позиция называется феноменальный экстернализм.

Сторонники *интерналистского* (узкого) репрезентационализма (Д. Чалмерс, Ю. Кригель, Т. Хорган, Д. Левин), напротив, утверждают, что феноменальные свойства и репрезентациональное содержание, которому они тождественны, определяются только внутренним состоянием субъекта, т.е. являются *узкими*. Поэтому два молекулярно идентичных субъекта необходимо будут испытывать одинаковые переживания. Интерналисты отрицают, что психическое состояние имеет данное содержание в силу некоторого отношения к объекту, содержание зависит только от субъекта. Они ссылаются на то, что интенциональный объект может реально не существовать. Однако они должны объяснить, почему психическое состояние имеет именно данный объект в качестве содержания, а не другой.

В §3 говорится об аргументах в пользу репрезентационализма. Самым сильным считается **аргумент прозрачности**. Сознание прозрачно в том смысле, что когда мы направляем свое внимание на переживание, то мы видим «сквозь» него воспринимаемые объекты, их свойства и качества аналогично тому, как мы видим сквозь оконное стекло деревья за окном, не замечая самого стекла. Все качества, которые мы непосредственно осознаем, есть качества воспринимаемого объекта. Мы не осознаем при этом никаких качеств самого переживания. Наше сознание является прозрачным, потому что феноменальный характер сознания есть не что иное, как содержание репрезентации, а в содержание нашего сознания входят качества внешних объектов.

В §4 рассматриваются многочисленные возражения против репрезентационализма. Поскольку репрезентационалисты утверждают, что феноменальный характер психического состояния проистекает из интенционального содержания этого состояния, то их оппоненты приводят контрпримеры, которые должны продемонстрировать независимость

феноменального и интенционального аспектов. Эти контрпримеры можно разделить на следующие группы: 1) примеры психических состояний, которые имеют феноменальный характер, но не имеют никакого содержания; 2) примеры двух состояний, которые различаются между собой по феноменальному характеру, но имеют одинаковое содержание; 3) примеры двух состояний, которые имеют один и тот же феноменальный характер, но различаются по содержанию. Это могут быть актуальные ситуации и мыслимые. В ответ репрезентационалисты стремятся показать, что каждому феноменальному различию соответствует различие в содержании.

В ходе рассмотрения контрпримеров показывается, что репрезентациональное содержание сознательного переживания определяется и свойствами окружающей среды, и свойствами субъекта. Благодаря рефлексии одно и то же феноменальное свойство мы способны осознавать и как свойство внешнего репрезентируемого объекта, и как собственное ощущение. Экстернализм, определяя репрезентациональное содержание исключительно в терминах свойств внешних объектов, явно недооценивает зависимость репрезентационального содержания от субъекта. Поэтому ответы экстерналистов на контрпримеры не всегда убедительны. Интернализм, полагая, что содержание репрезентации зависит только от субъекта, неуязвим для этих возражений (феноменальный характер и содержание всегда будут совпадать), однако не ясным остается, почему данное переживание является репрезентацией именно этого объекта, а не другого.

На вопрос, существует ли в феноменальном характере сознательного переживания нечто такое, что выходит за рамки репрезентации, в работе дается отрицательный ответ: нет такого феноменального характера, нет такого ощущения, которое не было бы репрезентацией. Любой феноменальный характер вписан в общую картину реальности, которая является репрезентацией организмом себя в мире.

В §5 рассматривается *проблема демаркации*. Всякое содержание может быть представлено (репрезентировано) **бессознательно**, без какого-либо феноменального характера вообще. Могут быть бессознательные мысли, бессознательные восприятия. Следовательно, наличия содержания недостаточно для того, чтобы психическое состояние имело феноменальный характер.

Один вариант решения **проблемы демаркации** – утверждать, что существует некое специфическое содержание, которое может быть представлено только сознательно. Наличие именно такого содержания и делает репрезентацию сознательной. Такой репрезентационализм называется *чистым*. У него очень мало сторонников. Большинство философов предпочитают *нечистый* репрезентационализм. Этот подход так называется, поскольку он признает, что наличия содержания еще недостаточно для того, чтобы психическое состояние имело феноменальный характер. Для

объяснения феноменального характера репрезентации необходим дополнительный фактор, помимо содержания. Представители редуکتивного репрезентационализма (Ф. Дретске, М. Тай, В. Лайкан) ссылаются на определенную функциональную роль в когнитивной системе, которую играет данное репрезентациональное состояние. Например, М. Тай считает, что феноменальный характер тождественен такому содержанию, которое готово к выполнению определенной роли в осуществлении контроля поведения и речи. Такое решение проблемы называют *функционалистским* репрезентационализмом. Он соединяет репрезентационализм с функционализмом.

Д. Чалмерс (2004) считает очевидным, что дополнительный фактор - это способ репрезентации: феноменальный характер сознания есть репрезентация некоторого содержания феноменальным способом. В этом определении явно содержится круг, однако Чалмерс не считает наличие круга недостатком объяснения, поскольку, по его мнению, сознание не может быть редуцировано к чему-то более фундаментальному.

В §6 сопоставляются репрезентационализм редуکتивный и нередуکتивный. Репрезентационализм утверждает, что любое феноменальное свойство сознания есть свойство репрезентации определенного содержания определенным способом. В этом определении присутствуют три понятия – репрезентация, содержание и способ репрезентации. Чалмерс (2004) выдвигает *нередуکتивную* концепцию репрезентационализма, содержание и способ репрезентации он трактует нередуکتивным способом. Редуکتивный репрезентационализм должен предложить понимание всех трех понятий без обращения к феноменальным понятиям. Именно это и предлагают редуکتивные репрезентационалисты (Тай 1995, Дретске 1995). **Репрезентацию** они объясняют в каузальных, информационных и телеологических терминах. Под **содержанием** они понимают физические свойства физических объектов мира (например, содержанием цветового переживания является отражательная способность поверхности). Наконец, **способ репрезентации**, который отличает сознательную репрезентацию от бессознательной, они понимают в функционалистских терминах.

Чалмерс сомневается в том, что феноменальный характер можно редуцировать к функциональным свойствам, хотя между ними и существует корреляция. Он ссылается на антифизикалистские аргументы: мыслимость зомби и разрыв в объяснении. Чалмерс пишет, что существуют хорошие аргументы в пользу репрезентационализма, но они не являются хорошими аргументами в пользу редуکتивного репрезентационализма. Репрезентационализм сам по себе не решает трудной проблемы сознания. Чалмерса поддерживает Д. Столяр: репрезентационализм, независимо от того, является ли он истинным, не может повлиять на решение трудной проблемы. Как бы ни трактовалось содержание репрезентации, утверждает

Столяр, понятие репрезентации не может служить тем промежуточным звеном, которое необходимо для ликвидации разрыва в объяснении сознания. Он демонстрирует это на примере различных трактовок цвета. Однако Столяр не рассматривает проективистскую интерпретацию цвета, поскольку при объяснении цвета проективизм ссылается на квалиа, что делает эту теорию нередуктивной. Утверждению Столяра в работе противопоставляется трактовка квалиа через пространство качеств, которая делает возможным редуктивный проективизм, а следовательно, понятие репрезентации может служить промежуточным звеном в объяснении сознания.

В **седьмой главе** анализируются решения ключевых проблем, на которые должна дать ответ репрезентационалистская теория сознания. В §1 утверждается, что первичное сознание является репрезентацией первого порядка. Противоположное понимание сознания состоит в том, что та или иная репрезентация становится сознательной лишь в том случае, когда она является объектом репрезентации более высокого порядка. Такое понимание предлагает автор одной из наиболее влиятельных сегодня теорий сознания - теории мысли более высокого порядка (теория МБВП) - американский философ Дэвид Розенталь. В данном параграфе излагаются основные положения этой теории, ее мотивация и основные аргументы, а также критика, высказанная в ее адрес Н.Блоком.

В §2 подвергается критике идея Н.Блока о том, что существует два разных явления – феноменальное сознание и сознание-доступ. О том, что два вида сознания отличаются, свидетельствует, по мнению Блока, существование избытка (overflow). Под избытком Блок имеет в виду, что вместимость феноменального сознания превышает вместимость когнитивного доступа. Содержание феноменальных переживаний гораздо богаче, чем те ограниченные репрезентации, которые нам доступны в каждый данный момент. Для обоснования тезиса об избытке Блок ссылается на эксперимент Спёрлинга, а также на феномен «слепоты к изменению». Двум видам сознания, по мнению Блока, соответствуют разные нервные основы – нервная основа феноменального сознания и нервная основа сознания-доступа, которые исключают друг друга. Гипотеза Блока о существовании феноменального сознания без когнитивного доступа нашла поддержку среди нейробиологов. В данном параграфе доказывается, что эта гипотеза является ошибочной - не существует такого феноменального сознания, которое бы не было когнитивно доступным, поскольку когнитивный доступ является механизмом феноменального сознания. Противники отделения феноменального сознания от когнитивного доступа отрицают существование избытка и предлагают альтернативные интерпретации тех эмпирических данных, на которые ссылается Блок. В работе критически анализируются альтернативные интерпретации эксперимента Спёрлинга. Для объяснения случаев феноменального сознания в отсутствие внимания предлагается

признать существование двух форм когнитивного доступа. Главное отличие между ними состоит в том, что первый вид обеспечивает формирование феноменальной репрезентации ситуации в целом, а второй – обеспечивает феноменальную репрезентацию деталей целостной картины.

В §3 анализируется понятие «квалиа», а также тенденция воздерживаться от использования этого термина и даже отрицать существование квалиа. Рассмотрены три трактовки субъективных качеств – Алекса Бёрна, Остина Кларка и Дэвида Розенталя. А.Бёрн отрицает существование квалиа, О. Кларк пытается объяснить их в терминах пространства качеств. Д. Розенталь предпочитает говорить о качествах, которые тоже пытается объяснить в терминах пространства качеств. Идея объяснения субъективных качеств в терминах пространства качества представляется мне очень продуктивной, но ее реализация Кларком и Розенталем вряд ли можно признать удовлетворительной. В работе подвергается критике утверждение Розенталя, что у нас есть основания приписывать психические качества не только сознательным, но и бессознательным состояниям. Анализируются данные эмпирических исследований, на которые ссылается Розенталь, показывается, что эти данные не подтверждают вывод Розенталя.

Далее критикуется теория пространства качеств Д. Розенталя. Несомненно, существует пространство субъективных качеств, с помощью которых в сознании репрезентируются сходства и различия объектов в мире. Но понятие пространства качеств не применимо по отношению к объективным сходствам и различиям. Делается вывод, что нет двух пространств качеств – воспринимаемых качеств и психических качеств; есть только одно - оно состоит из психических качеств. Мы различаем сходства и различия между объектами, а психические качества – это средства феноменальной репрезентации этих объективных различий. С помощью психических качеств, т.е квалиа, создается внутренняя реальность, которая находится в отношении структурного сходства с объективной реальностью.

В **заключении** диссертационного исследования кратко подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований проблемы сознания.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монография:

Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание. Анализ дискуссии в современной аналитической философии / С.Ф.Нагуманова. – Казань: Казанский университет, 2011. – 222 с. – 11,4 п.л.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Нагуманова С.Ф.* Существует ли разрыв в материалистических объяснениях психики? / С.Ф.Нагуманова // Вопросы философии. - 2007. - № 1. - с.90-105.
2. *Нагуманова С.Ф.* «Аргумент мыслимости» против материализма в аналитической философии / С.Ф.Нагуманова // Философские науки. - 2007. - №3. - с.67-88.
3. *Нагуманова С.Ф.* Аргумент знания в дискуссиях о природе сознания / С.Ф.Нагуманова // Вопросы философии. - 2008. - № 9. - с.40-54.
4. *Нагуманова С.Ф.* Критические замечания по поводу статьи М.М.Решетникова «Критический постматериализм в психологии и психиатрии» / С.Ф. Нагуманова // Неврологический вестник. – Казань, 2011. – Том XLIII. – вып. 2 – с.70-71.
5. *Нагуманова С.Ф.* Использование двумерной семантики в аргументе от мыслимости к метафизической возможности / С.Ф.Нагуманова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – Екатеринбург. - 2012. - №1 (100) – с. 45-52.
6. *Нагуманова С.Ф.* Сознание как репрезентация / С.Ф.Нагуманова // Ученые записки Казанского университета. – Т. 154. – Серия: Гуманитарные науки.- Книга 1. – 2012. – с. 120-129.
7. *Нагуманова С.Ф.* Можем ли мы видеть причинную связь? / С.Ф. Нагуманова // Известия Саратовского государственного университета. – Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. - №3. – с.33-36.
8. *Нагуманова С.Ф.* Феноменальное сознание и когнитивный доступ / С.Ф. Нагуманова // Ученые записки Казанского университета. – Т. 155. – Серия: Гуманитарные науки. - Книга 1. – 2013. – с. 129 - 136.
9. *Нагуманова С.Ф.* Теория сознания Дэвида Розенталя / С.Ф.Нагуманова // Вопросы философии. – 2013. - №6. - с.149-158.

Публикации в других научных изданиях:

1. *Нагуманова С.Ф.* Проблема материалистического объяснения сознания в аналитической философии / С.Ф. Нагуманова // Проблема сознания в философии и науке, под ред. Д.И.Дубровский. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – с.107-132.
2. *Нагуманова С.Ф.* Достаточен ли «Аргумент мыслимости» для опровержения материалистического понимания сознания? / С.Ф.Нагуманова // Проблема сознания в философии и науке, под ред. Д.И.Дубровский. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. –с.133-152.
3. *Нагуманова С.Ф.* Мыслимость инверсий как аргумент против репрезентационализма / С.Ф.Нагуманова // III Межвузовская научная конференция «Балтановские чтения»: Альманах гуманитарных и социальных исследований». Сборник статей и докладов. - Казань, 2010.- с. 4-14.

4. *Нагуманова С.Ф.* Может ли репрезентационизм решить трудную проблему сознания? / С.Ф.Нагуманова // *Философия сознания: аналитическая традиция. Материалы Международной научной конференции Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (6-7 ноября 2009).* М.: Изд-во "Современные тетради", 2009. - С. 190-195.
5. *Нагуманова С.Ф.* В защиту квалиа / С.Ф. Нагуманова // *Психология сознания: современное состояние и перспективы»: материалы II Всероссийской научной конференции. 29 сентября – 1 октября 2011 г., Самара. – Самара: ПГСГА, 2011. – с.101-102.*
6. *Нагуманова С.Ф.* Видим ли мы причинную связь / С.Ф.Нагуманова // *Дэвид Юм и современная философия: материалы конференции. – М.: Альфа-М, 2011. – Т.3. – с.30-33.*
7. *Нагуманова С.Ф.* Теория сознания Дэвида Розенталя / С.Ф. Нагуманова // *Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Тезисы пленарных докладов и секционных выступлений всероссийской научной конференции с международным участием (29-31 мая 2012 г., С.-Петербург).* – СПб.: Изд-во филос. Ф-та СПбГУ, 2012. – с. 106-109.
8. *Нагуманова С.Ф.* По поводу гипотезы Д. Тонони о том, что сознание есть интегрированная информация / С.Ф. Нагуманова // *Натуралистические концепции сознания. Рабочие материалы междисциплинарной конференции. 24-25 мая 2013, Санкт-Петербург, 2013. – с.48-52.*